

- пассивное поведение представителей иных, чужеродных культур;
- некоторые неприемлемые большинством обычаи или поведение различных социальных или культурных групп;
- негативная репутация, порожденная особенностями менталитета тех или иных народов или социокультурных групп.

Данные явления с точки зрения респондентов невозможно воспринимать положительно или относиться к ним толерантно.

Вопросы 15–20 анкеты призваны выявить мнение студенческой молодежи г. Екатеринбурга о состоянии современной российской культуры, а также о положительных и негативных факторах, влияющих на нее. Общий вывод из ответов, данных на этот блок вопросов можно сделать следующий:

- по мнению респондентов проникновение через СМИ секса, насилия, порнографии наиболее негативно отражается на культуре россиян;
- также негативно влияют на культуру россиян реклама спиртных напитков, табака, алкоголизм, наркомания;
- внедрение в быт россиян новых технологий и повышение образованности граждан, по мнению респондентов наиболее благоприятно влияют на социокультурную среду;
- также положительно влияют на культуру граждан свобода совести и вероисповедания, но в рамках уже имеющихся традиций и норм, без внедрения агрессивных чужеродных элементов других культур.

А. В. Данилова

ТРАНСФОРМАЦИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАК ДЕТЕРМИНАНТА МИГРАЦИОННОЙ БИОГРАФИИ ЖИТЕЛЯ ЗАКРЫТОГО ГОРОДА

Анализ современной социологической литературы, а так же материалов других областей гуманитарного знания, материалов СМИ и обсуждений в Интернет свидетельствует об огромном интересе как ученых, так и «простых людей» к проблематике пространства.

Сегодня пространство больше не воспринимается как нечто стабильное и не подвижное. Изменения в пространстве определяются объективными и субъективными факторами. К объективным факторам можно отнести активность индивидов, направленную на преобразование пространства, развитие научно-технического прогресса, сокращающего расстояния между объектами и т. д. Среди субъективных факторов можно отдельно выделить изменение представлений людей о пространствах, конструирование этих представлений на основе собственного и привлеченного опыта.

Мы исходим из теоретических установок, социального конструктивизма, сформулированного американскими социологами П. Бергером и Т. Лукманом, суть которого выражается в следующем положении: «Мир повседневной жизни создается в мыслях и действиях обычных людей» [1, с. 39]. Социальное про-

странство воспроизводится благодаря активности включенных деятелей, обычных людей, которые занимают разные позиции, вступают друг с другом в разнообразные отношения.

В рамках социального пространства человек имеет возможность менять свою позицию, передвигаться. Этот феномен передвижения был концептуализирован в работах великого русского социолога П. Сорокина и получил название «мобильность». Одной из разновидностей мобильности являются миграции. В социологической науке доказано, что одной из ключевых черт современного общества является возрастающий объем передвижений. Более того одним из свойств социального пространства является его «сжатие»: сегодня переезжать оказывается значительно легче, чем в конце XIX в. Вследствие этого мы уже не замечаем внутренних мигрантов. Внутренних мигрантов мы в своей повседневной жизни не маркируем в качестве «чужаков», их и не принято называть мигрантами [2, с. 162–179]. Однако внутренняя миграция играет важную роль в перераспределении населения страны.

При этом важно понимать, что внутренняя миграция способствует концентрации населения в региональных центрах. «За 2005–2007 гг. города в целом росли на 62 % за счет международной, на 26 % – внутрирегиональной и на 12 % – внутренней межрегиональной миграции. Мигранты, как внутренние, так и внешние, стремятся в крупные города, где много возможностей ... Население региональных столиц прирастает за счет его постепенного стягивания из других городов и сельской местности «подведомственной» территории и регионов-соседей. Региональные столицы росли за счет внутрирегиональной и межрегиональной миграции, роль внутренней миграции составляла 60 % от общего миграционного прироста» [3, с. 244–245].

Об этой тенденции говорил еще представитель Чикагской социологической школы Луис Вирт: «Поскольку население города не обеспечивает собственного воспроизводства, оно вынуждено рекрутировать мигрантов из других городов, из сельской местности и ... из других стран» [4, с. 93–118].

Вследствие описанных тенденций, оптимальным для исследования регионального социального пространства сегодня было бы понимание социального пространства в качестве сети, в которой отдельные места и узлы соединены потоками. Эти потоки могут быть совершенно разнообразными по качеству (как например, потоки информации или миграционные потоки).

Для современного общества характерна «многоукладность» пространственных практик: в том смысле, что сегодня одновременно существуют «пространства-места», «пространства-потоки», «пространства-сети».

При этом даже «места» являются многомерными поскольку (вос)производятся одновременно различными объектами и отношениями, вкладывающими в свои действия различные значения.

Таким образом, многомерность социального пространства проявляется в том числе, и в многообразии представлений о нем. Так, например, в обыденном массовом сознании существует непривлекательный образ закрытого города, как про-

странства, у которого нет перспектив развития, вследствие чего молодежь стремится уехать, катастрофически не хватает кадров, а сам город, как следствие, превращается в пространство «дожития». Современные российские авторы географ-урбанист Г. М. Лаппо и географ-историк П. М. Полян в статье 1998 г. говорят о том, что закрытые города находятся «на грани краха и исчезновения» [5, с. 46].

Вместе с тем, сегодня, закрытые города по-прежнему существуют, а спустя 10 лет эти же авторы уже не дают столь негативных прогнозов, а напротив, называют наукограды «точками роста» [6, с. 20–49].

Существует некоторый временной лаг между возникновением тенденции в социальной реальности и ее осознанием. Как мы видим, осознание изменений в социальном пространстве регионов с закрытыми городами в научном сообществе уже началось. Появляется оно и в СМИ [7], и в массовом сознании, например, среди жителей города Лесной 26,2 % считают, что остается много молодежи (при этом 11,5 % затруднились ответить, а 62,3 % считают, что остается мало молодежи) [8]. Отток населения, в том числе и молодежи, видимо, воспринимается уже не так катастрофично и однозначно, а среди тех, кто уезжает из закрытого города учиться, есть те, кто возвращается: образовательная миграция не всегда является безвозвратной. В связи с этим возникает вопрос о причинах возвращения молодежи с высоким образовательным цензом.

Почему по прошествии 10–20 лет закрытые города, рассматриваемые в негативном дискурсе все-таки оказываются привлекательными для молодежи?

Закрытый город представляет собой автономное самодостаточное пространство, маркированное физическими бюрократическими границами, задающими пределы его социального, экономического и культурного развития.

Границы «секретных» городов превращаются из физического забора с колючей проволокой в ментальную конструкцию, задающую границы привычной (рутинной, доступной, эмоционально поощряемой – через память, детские воспоминания) социальной активности. Оказывается, что помимо тенденции к открытию социальных пространств и городской экспансии, экономическому росту и инновациям, имеет место и тенденция «сознательного» воспроизводства существующих технологий и материальных объектов.

В марте 2011 г. автором статьи проведены полуформализованные интервью жесткого формата с молодыми специалистами г. Лесной. Информантами стали те люди, которые получили высшее образование в открытых городах, а затем вернулись в родной город (N=10). Как показало исследование, существует группа молодых людей с высшим образованием и опытом жизни в большом городе, которые предпочитают возможностям и перспективам большого города безопасность и стабильность ЗАТО.

Молодежь сегодня не оценивает пространство закрытого города однозначно негативно, а принятие решения о безвозвратной миграции в областной центр, по сути, представляет собой выбор жизненной стратегии, осуществляемый на основе собственных представлений и оценок относительно пространства закрытого города и пространства открытого города.

Выбор места жительства фактически означает выбор между различными типами пространства – пространством «места» и пространством «сетью». И сегодня локализованность, замкнутость социального пространства закрытого города оказывается одновременно и «выталкивающим» и «притягивающим» фактором.

Социальное пространство закрытого города конца нулевых годов качественно отличается от социального пространства 90-х – начала 2000-х, поскольку изменяется пространство представлений, пространство репрезентации [9], которое конструируется выходцами из закрытого города на основе установок, ценностей, жизненного опыта, под влиянием различных агентов социализации. Вследствие этого, внутригородская и региональная социальная политика должна проводиться с учетом этих тенденций.

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Хохлова А. М. Мигрант как наивный этнограф // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. X. № 1. С. 162–179 с.
3. Население России 2007: Пятнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А. Г. Вишневский. М., 2009. 296 с.
4. Вирт Л. Избранные работы по социологии. Сборник переводов. М.: Ин-он, 2005. 150 с.
5. Лаппо Г., Полян П. «Закрытые города» // Социологические исследования. 1998. № 2. С. 43–48.
6. Лаппо Г., Полян П. Наукограды России: вчерашние запретные и полузапретные города – сегодняшние точки роста // Мир России. 2008. № 1. С. 20–49.
7. Губницын А. Моногород: развитие или дожитие? [Электронный ресурс]. URL: http://www.echo.msk.ru/blog/anton_sevsk/883208-echo/.
8. Данные исследования проведенного в рамках проекта «Динамика практик и стратегий жизнеобеспечения населения моногородов», поддержанного РФФИ-Урал, № 10-06-96021.
9. Лефевр А. Социальное пространство // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 (70). [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/le1.html>.

Н. В. Дулина

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНА

В настоящее время в социологии, социальной психологии и других смежных дисциплинах активно формируются научные представления о том, что масштабность и стремительность социальных трансформаций отдельных территорий страны во многом определяются уровнем социально-психологического комфорта (или дискомфорта) жителей конкретного региона [1–3; 5–9]. Участие в проекте